

СЕМЕЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Рассказ

— Доброе утро,
последний герой,
Доброе утро тебе
и таким, как ты.
Доброе утро,
последний герой,
Здравствуй,
последний герой.

Александр ИСАКОВ
г. Петрозаводск

Орал Борис Алексеевич уже минут сорок. Его предали, теперь только мстить. И прощения не просили, и компромисс не предлагали. Осталось только вдохнуть ещё горячего летнего воздуха из форточки и орать. Борис орал за всё: за планы, за долгое отсутствие дождя, за невозможность выполнить данные парням обещания. Он ведь и верёвки купил, на свои, на сэкономленные, а можно было в Роблокс пару бластеров взять. Эх, трещинка в душе!

И, конечно, Боря орал просто так, для дискомфорта этих... на кухне. Нет, он, конечно, любил их, очень, но это так, в общем. А сегодня... сейчас родители ущемляли его главное право. Право на лето.

Они с парнями только начали сооружать планер, и тут такая новость!.. Лучше бы зуб заболел или ещё чего. Ремонт в квартире, без него! И — «ссылка» к бабушке. К бабушке, которую он, как говорят родители, видел в трёхлетнем возрасте. Невыносимо. Кто же такое помнит? Да и ехать к ней на месяц... «в ссылку»!.. Ни за что. Она, небось, всегда пахнет валерьянкой, как соседка баба Маша из пятой квартиры. А по ночам, наверное, храпит, как Денискин мопс Филька.

Ситуация была патовая, как в шахматах. На просунутый в дверь белый флаг, сотворённый из отцовской майки, Боря выдал особенно злую и высокую трель, даже сам удивился. Скосив глаза, он посмотрел на стоящий на столе стакан: не треснет? Нет. Эх, и почему он не Джельсомино, ну или хотя бы этот противный певец... Касков, кажется. Что родители сдадутся, он не верил. Учёные не сдаются. Всё, что оставалось ему, как честному человеку, — держать оборону своего лета посередине комнаты на стуле. Не было времени даже накидать укрепления из диванных подушек и подпереть чем-нибудь дверь.

Его противники в лице родителей и хозяев этой «звонкой» квартиры готовились к финальному наступлению и обсуждали будущее общего квартирного мира. В том, что будет мир, не сомневалась лишь «генерал» родительских войск — мать. Мысли были разные, но все сплошь хаос и раздраз с пуделями, несерьёзно и алогично. Весь день напоминал цветастую круговерть в стиральной машине. Оставалась надежда на высшие силы, но и те запаздывали.

— ...Почти час орёт, на олимпийское золото идём. Слушай, Дина, а может, пригрозить, что из авиамодельного заберём и в театральные оформим? — предложил отец.

«Генерал» раскладывала варенье по розеткам, ставила цветы в вазу, а от поступившего предложения вздрогнула и чуть пролила воду на скатерть. К приходу подкрепления всё должно быть выполнено.

— Одумайся. Это ты сыну и товарищу угрожать собрался?! — спросила она, промакивая синей губкой пролитое. — Он тебе в футбол — откажет, и в помощи в гараже вашем, выкусишь и обляпаешься.

Отец на это кивнул, густо помрачнел и сдулся, угроза была реальной. Гонять мяч по субботам — интерес был обоюдный, как коромысло.

— Да и вообще, подло это даже предлагать. Но как объяснить ему этот вечный квартирный вопрос? Ну, не поместимся мы в одной комнате, пока ремонт будет. Я так точно с ума сойду. Чёртов ремонт! Ну когда его начинать, как не в июле?! Тормозит он эволюцию, хотя должен — наоборот. А обои вы с Афанасием сами не клеите, не уговаривай. И я не могу поехать с Борькой. Как он не хочет понять... Руки уберу и отставь панику. Возьми себя в руки... Тьфу, я уже «каламбурирую» от этого гимна независимости и непонятливости.

И раздался глас небесный, трель советского звонка. Подкрепление прибыло, личный состав прибежал. Открыл дверь: стоит и улыбается.

Явление Людмилы Владимировны внушало уважение и трепет, хотелось дать залп. Но из «пушек» в квартире были только хлопущки, да и метаться было бы некрасиво. Как рассказывал потом Алексей, Динкина мама вошла тихо и внушительно, как простая яхта Абрамовича в порт в Бодруме.

— Добрый день, здравствуйте.

Вопреки всем морским традициям, «буксир» плелся сзади, мелко семеня и пованивая, — он тащил пару пакетов. Сосед Пальч, пьяница и дружелюбный сектант, — главная тема разговоров пенсионерок во дворе. На невысказанный вопрос сопровождающий отвёл нетрезвые глаза, опустил пакеты на пол, пробормотал застенчиво:

— Будущее пришло, — и, икнув, сбежал из квартиры.

— Здравствуй, Диночка. Здравствуй, Лёша. Возьми, пожалуйста, зелёный пакет, там твои графики и ещё какие-то бумаги. Будь аккуратен, они чуть влажные. Сам понимаешь... Твои милые коллеги мне их прямо в аэропорт привезли, — она передала взбодрившемуся сверх меры зятю пакет.

Алексей, обретя давно ожидаемое, мгновенно впал в священный транс научных размышлений, отчего стал похож на перевозбуждённого суслика. Этот «грызун»-учёный развернулся и пошёл, на ходу вчитываясь в бумаги, в сторону родительской комнаты, по совместительству — его выездной лаборатории. Не выходя из научного восторга, он весьма смачно впечатался лбом в открытую дверь. Оглядев препятствие, Алексей сказал загадочное «ага» и окончательно ретировался.

— Через пять минут пьём чай! — крикнула ему в спину Дина. Но через секунду тщетного ожидания резюмировала: — Кажется, мы его потеряли. Разувайся, мама, пойдём на кухню, не дадим пирогу остыть.

В следующую секунду без стеснения подслушивавший и украдкой подсматривающий Борька осознал, что «орудие» молчит, всем комфортно, скоро будут есть пирог, и зазвучал вновь. Испугавшись прибывшей гостьи, «боец» выдал высокий и весьма чистый звук. Неподдалёку испуганно заорала спящая до того на ветке ворона.

Людмила Владимировна начала было снимать туфли, но, услышав голос вновь зазвучавшего внука, замерла, отчего стала похожа на Мегатрона в момент трансформации.

— Дискант. И хорошо поёт, кстати, почти чисто.

— Мам, ну что ты говоришь? Какое «поёт»? Это его «пение» — бойкот нам. Уже битый час орёт, как койот.

— Не вопрос, поорём вместе, — отрезала Людмила Владимировна, подходя к двери внука. — Плач человека или смех — это всё пение. Смотри шире, девочка. Иди на кухню, доча. А я сейчас тоже спою и приду.

Простучав по двери в детскую задорную дробь, Людмила Владимировна вошла и с ходу остановила вокализ внука своей песней:

— *Доброе утро, последний герой,
Доброе утро тебе и таким, как ты.
Доброе утро, последний герой,
Здравствуй, последний герой.*

Онемевший от удивления внук только и смог спросить охрипшим голосом:

— А откуда вы Цоя знаете?

— А ты откуда? — парировала бабушка.

— Мне мама по утрам поёт, чтобы я наконец встал и в школу пошёл, — засмутился Борис.

— Вот именно, а я эту песню твоей маме тоже пела, когда она в школу собиралась, да и в институт тоже. Так что это у нас утренняя семейная песня, получается. Ты, я услышала, поёшь. Хороший у тебя голос, сильный и чистый, хотя уже подустал.

Борька насупился: издевается, а она только начала ему нравится.

— Протестуешь, так?

Внук, окончательно смутившись, поник головой и буркнул:

— Пришлось.

— Ну, ты это зря. По-другому никак не пробовал?

Борис лишь плечами пожал. Что тут говорить, у десятилетних маловато возможностей для диалога.

— Борюсь с тиранией как могу.

— Похоже, у тебя талант, а если управляешь талантом, управляешь своим будущим, — увещевала прибывшая. — С непривычки столько голосить... Устаёшь, как при марафоне. Ты, кажется, аж вспотел немного?..

И это была чистая правда. Певец вспотел и был противен себе ужасно. До раковины не дойти, а левый глаз уже щипало, и сильно. Он потер его тыльной стороной ладони и скринулся. Заметив этот конфузливый момент,

Людмила Владимировна извлекла из сумочки влажную салфетку и протянула её внуку.

— Я, пока до вас ехала, объявление видела. Сегодня «Шинник» с ветеранами «Спартака» играет. Айда? Ну её, эту войну! Сделаем перерыв, Борис? Сбежим, индеец?

Борька был взят и покорён, как Измаил. Такого он не ожидал. Глаза парня заблестели, улыбка была свидетельством падения последней захудалой стены обороны. Он стал похож на маленькую куницу, отметила про себя Людмила Владимировна.

— А с мамой и папой как? — спросил внук.

— В лифте... от подъезда звоним Лёше. Вырвем его из болота тех данных, что я ему привезла. Он удивляется, ужасается, соображает... И бежит за нами, попутно захватывая потоком воздуха твою маму. Переговоры о мире... — бабушка сделала паузу, — ну, если будут нужны переговоры... продолжим после стадиона. Если надо будет. Как тебе?

— Идёт, — ответил счастливый внук.

И только когда они шли уже со стадиона и лопали мороженое, Боре пришло в голову, что он, кстати, и не знает, а собственно, где бабушка живёт.

— А как город называется, где вы живёте?

— Ташлинск, — ответила бабушка.

Борис остолбенел:

— Серьёзно?

— Да, — ответила Людмила Владимировна. — А что, боишься или неинтересно?

— Обижаете, не вопрос, — поддел он бабушку.

Сказал и клещом уцепился за её руку.

(Ташлинск — город из произведений бр. Стругацких). — *Ред.*

Александр Викторович ИСАКОВ

родился в 1982 году. Пишет прозу. Ранее

не публиковался. Живет в Петрозаводске.

